

Впервые!

Издание поэзии потомка великого поэта.  
Гений вернулся?

А Л Е  
К С А  
Н Д Р

—уходя по-английски—

П У Ш  
К И Н

# **Александр Александрович Пушкин**

## **Уходя по-английски**

*Текст предоставлен правообладателем*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=17086775](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17086775)*  
*Пушкин, Александр Александрович. Уходя по-английски: АСТ; Москва; 2015*  
*ISBN 978-5-17-090713-7*

### **Аннотация**

Александр Пушкин, потомок великого поэта, впервые представляет сборник своих стихотворений российскому читателю.

Легко ли творить в тени гения? Преодолевая предубеждения о невозможности написать лучше, Александр Пушкин обретает собственный поэтический голос и достигает своего читателя. Тонкая, чувственная поэзия Александра не может оставить равнодушными ни «физиков», ни «лириков».

## Содержание

|                                                |    |
|------------------------------------------------|----|
| Стихи                                          | 6  |
| «Годы идут, утверждая примеры ...»             | 6  |
| «Как тягостно порой в пределах ...»            | 7  |
| «На затухающий костер ...»                     | 8  |
| «В Нью-Йорке – ночь. Войти домой – пароль ...» | 9  |
| «Как выйдешь на-люди – насмешки ...»           | 10 |
| «Ты не сказала, я не слышал ...»               | 11 |
| По строчке Брод-ого                            | 12 |
| «Убиваем мы друг друга зря ...»                | 13 |
| «Я камень нищему вложил ...»                   | 14 |
| «Как-то чувствую нелепо ...»                   | 15 |
| Эпитафии                                       | 16 |
| «Он не Б-га искал, не себя ...»                | 17 |
| «6 лет... У нас – не веселее ...»              | 18 |
| «Где ручей течет, птички моются ...»           | 19 |
| Старый плагиат                                 | 20 |
| «Баронесса у окна ...»                         | 22 |
| «То ли где торосов глыбы ...»                  | 24 |
| Старый анекдот                                 | 26 |
| Романсы                                        | 27 |
| (1)                                            | 27 |
| (2)                                            | 27 |
| Дож, дождь, мост, рябь...                      | 28 |
| «Давит, давит небо ясно ...»                   | 30 |
| «Возле ног – пока поземка ...»                 | 31 |
| «Я хочу с тобой в Толедо ...»                  | 32 |
| «Стирая ностальгию тщательно ...»              | 33 |
| «Все приходит к тем, кто ждет ...»             | 34 |
| «Позабыт и позаброшен ...»                     | 35 |
| «Только красивое любят поэты ...»              | 36 |
| «Проезжая одиноко ...»                         | 37 |
| «Прошло не много лет ...»                      | 38 |
| «Возвращался сэр Фунт Лиха ...»                | 39 |
| «Вдалеке пролаял пес ...»                      | 40 |
| Про Вильямсбургский Мост                       | 41 |
| Вильямсбургский Мост, 02                       | 43 |
| Сонет Веноков                                  | 44 |
| 1                                              | 44 |
| 2                                              | 44 |
| 3                                              | 44 |
| 4                                              | 45 |
| 5                                              | 45 |
| 6                                              | 46 |
| 7                                              | 46 |
| 8                                              | 46 |
| 9                                              | 47 |

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| 10                                | 47 |
| 11                                | 48 |
| 12                                | 48 |
| 13                                | 49 |
| 14                                | 49 |
| 15                                | 49 |
| Венок Донжуанский                 | 51 |
| 1                                 | 51 |
| 2                                 | 51 |
| 3                                 | 51 |
| 4                                 | 52 |
| 5                                 | 52 |
| 6                                 | 53 |
| 7                                 | 53 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 54 |

# **Александр Александрович Пушкин**

## **Уходя по-английски (сборник)**

© Александр Пушкин, текст, 2015

© Издательство АСТ, 2015

## Стихи

### «Годы идут, утверждая примеры ...»

Годы идут, утверждая примеры,  
Древние истины суть хороши.  
Годы идут. Умирают Химеры –  
Тихие странники нашей души.

Нежные, беззащитные звери.  
Холод смертелен для них возрастной,  
Стынут они, по наивности веря,  
Будто проснутся какой-то весной.

Гибнут, прибитые штампом единым,  
Тыщами корчатся на мостовой.  
Рыцарски-верные, как паладины,  
Рыцарски-слабые перед судьбой.

Гибнут, шепча свои формулы веры.  
Павши у переходной межи...  
Годы идут. Умирают Химеры.  
Тихие странники нашей души.

## **«Как тягостно порой в пределах ...»**

Как тягостно порой в пределах,  
Натурой отведенных нам!  
Температурой только тела  
В какой мы загнаны капкан:  
На градус меньше – уж мы стынем,  
Наоборот – горим огнем.  
41-34 –  
Вот щель, в которой мы живем.

Деленьиц жалких семь... А рядом –  
Огромный Мир без вер и мер  
Живет в миллиардных перепадах  
Температурных перемен.  
Не зная минусов и плюсов,  
Он лед и пламень единит,  
Великий мир великим чувством  
Порой нам душу бережит,  
Когда земной тесным прозой  
Так хочется вдохнуть сполна  
Венерианского тепла  
Иль марсианского мороза...  
Увы! Толпою напирая,  
Поглубже в щель спешим залезть,  
Из всех семи предпочитая  
Родные 36 и 6.

## **«На затухающий костер ...»**

На затухающий костер  
Глядеть в непроходимой лени...  
На догорающем полене  
Дробится траурный узор,  
Уголья падают в золу,  
Бледнея в медленном томленье,  
И мягко трепетные тени  
Переливаются во мглу,  
И бездна внятной шелестит,  
И пламени листок последний,  
Как с тополей порой осенней,  
С поленей гаснувших летит.  
Смолкает угольков сопенье,  
И тихий дождик в свой черед,  
На долгое настроясь пенье,  
Аккорды робкие берет...



## **«В Нью-Йорке – ночь. Войти домой – пароль ...»**

В Нью-Йорке – ночь. Войти домой – пароль.  
А выходить – как будто и не надо.  
В душе – бессилие. В кармане денег – ноль.  
А было время... Как над водопадом  
Мы застревали посреди границ  
С бутылью вермута, на злобу двум державам,  
И в прерии две пары колесниц  
Несли нас по непроторенным травам.  
А было время... Вильямсбургский мост  
Нам покорялся от хвоста до гривы  
И по пампасам скрежетом колес  
Рыдван ворованный нам вторил терпеливо.  
До горизонта сельва – с пирамид,  
С холмов Мальорки – веером оливы,  
С толедских башен – иберийский вид –  
Всё открывалось, всё недавно было.

А ныне... На помойку не пойдешь,  
За почтой ехать вниз – себе дороже,  
Чтоб не видать соседей добрых рож,  
Точней, своей чтоб не маячить рожей.

## **«Как выйдешь на-люди – насмешки ...»**

Как выйдешь на-люди – насмешки,  
Ухмылки, взгляды, пустяки,  
Скрываюсь, как очки в очешник –  
Так достают и под очки.

А я ж, как выпью, идиотов,  
Все человечество люблю.  
Почто тревожится им что-то,  
Иль кем-то, кто не в их строю?

Но памятуя дух нетленный,  
Усталый, старый и больной –  
Я вежлив с жизнью современной.  
Она – невежлива со мной.

## **«Ты не сказала, я не слышал ...»**

Ты не сказала, я не слышал,  
Большой меж комнат корридор,  
А только за окном все тише  
Копыт протопал перебор.

Зато слышней в водопроводе  
И громче капала вода,  
А мы с тобой родные, вроде,  
И вроде даже, навсегда.

Кот Белый ноги Вам прикроет,  
А Серый – у моей щеки,  
И хоть запоров нету в доме,  
Но корридоры далеки.

## По строчке Брод-ого

«Мы столько вместе прожили», что штиль  
сегодняшнего дня и треп нехитрый  
просматриваешь, как видеофильм,  
давно уже не всматриваясь в титры.  
И ночь вчерашняя рассудочных услад  
была, как пять иль десять лет назад.

«Мы столько вместе прожили», что вряд  
ли стоит нам беседовать. Пустое...  
Слова стоят, как на листочке, в ряд  
и диалоги маршируют строем.  
И даже непредвиденное То  
давно предвидено, давно пережито.

«Мы столько вместе прожили», что дно  
лоцировано и высоты – сняты,  
по клеткам все расчерчено оно.  
Но каждый раз, в толпе тысячепятой,  
узнав походку, стать и абрис Ваш,  
сердчишко скачет, будто юный паж.

## **«Убиваем мы друг друга зря ...»**

Убиваем мы друг друга зря,  
По больному мы нечестно бьем,  
Как испуганные два дикаря,  
Молотящие куда нипочем.

Позабыли мы кодекс драк  
И заветы тех, кто там, далеко,  
Так и лупим побольнее в синяк,  
А лежащего по морде плевком.

А с утра, как с перепою – дрянь,  
И душа болит, и глаз, и бровь –  
Непотешная такая брань –  
И мила ль тебе такая любовь?

## **«Я камень нищему вложил ...»**

Я камень нищему вложил  
В его ладонь, черней лопаты,  
Я камнем этим дорожил –  
Он был большой, продолговатый.

Бам благодарно помычал,  
Без лести, но и без досады –  
Бутылку он уже кончал,  
Что я ему «доставил на дом».

Червонец плавно утонул  
В его небрежных одеяньях,  
Мне нищий руку протянул  
И с чувством молвил: «До свиданья».

## **«Как-то чувствую нелепо ...»**

Как-то чувствую нелепо  
Я себя в душе и теле,  
Будто тролли серым крепом  
Белый свет накрыть успели.

И пока дремал беспечно,  
Одурманен теплым зельем,  
Как чахотка, скоротечно  
Испарялося веселье.

Только сукам не дожидаться!  
Сплин приятен мне, доколе  
За меня в тиши резвятся  
В сером свете муми-тролли.

## Эпитафии

*Алексею Даену*

Вот и случилось. Не в броне  
И для женщины не вещен —  
Исполать тебе в стране  
Райских кущ и адских трещин.

Зря заранее торя  
Нам дорогу в край Аида —  
Тихо, Леша, это иды.  
Просто иды ноября.



## **«Он не Б-га искал, не себя ...»**

*Майклу Кедему*

Он не Б-га искал, не себя,  
Ни себя не теряя, ни Б-га.  
А хотелось ему немного –  
Человеческого жития.

А оно состоит из странствий  
Тела, духа и мыслей за  
Обетованного пространства  
Грани – где понимать нельзя.

Ни бомжатником, ни острогом  
Не колеблен. Одетый в лен,  
Волен, верен и удивлен,  
Он отправился.  
Ну, и с Богом...

## **«6 лет... У нас – не веселее ...»**

*Марине Георгадзе*

6 лет... У нас – не веселее  
И не трагичнее пока,  
Как лес – всё мшистей и дремлее,  
Чуть больше пней и сушняка.

А как у Вас? всё передраги?  
Всё приключения, поди?  
При Вашей, милая, отваге  
Всё впереди, всё впереди...

## **«Где ручей течет, птички моются ...»**

Где ручей течет, птички моются,  
Там мой кот лежит, упокоится,  
Там, где белки на суке на березовом,  
В синем он лежит мешке, а не в розовом.

И листва шуршит астматически.  
Кот ушел, а я-то жив. Поэтически.

## Старый плагиат

Вышел я уже из детского возраста,  
Стал я взрослым, как любому положено,  
Жил, как надо я, как все, жил я попросту,  
Был похожий на любого прохожего.

Я с дочуркою играл пятилетнею,  
И с женой у нас все по-обычному,  
И работал я в НИИ неприметненьком,  
Пил «Молдавский» и «Кавказ», и «Пшеничную».

Тут прислал военкомат мне повесточку,  
Я по первой не иду. Мне вторичную.  
Я пришел и говорю: – Семья да деточки,  
И для армии года неприличные...

Объяснили тут мне все по-привычному,  
Догола меня раздели, обмерили:  
– Состояние здоровья отличное,  
И иди-ка ты, дружок, в артиллерию.

Выхожу оттуда чуть не зареванный,  
Ошарашенно снежок сыплет на щеки.  
Эх, везет же дружку, он – психованный,  
Не берут ведь никуда, кроме «Кащенко».

Да и куда же мне в солдаты, здоровому,  
Пропадет ведь вся мужская потенция,  
И зарядки я лет пять как не пробовал.  
Да и куда мне с животом на трапецию?

Я же шума не люблю. А в артиллерии  
От стрельбы от этой можно ведь сверзиться,  
Вот дружку-то моему, шизофренику,  
Так давно уже «Калашников» грезится.

А вернусь когда домой – дочка-школьница,  
Не узнает ведь отца, знать, нахмурится,  
И жене два года ждать – тоже колется...  
Да и мне под тридцать лет – куда сунуться?

Хорошо, еще вернусь... Нынче ж в Азии  
То иранцы, то афганцы в истерике...  
Эх, дружка бы туда – он с фантазией,  
Все мне уши прожужжал про Америку.

Ну да что там... коли все утрамбовано...

Я к дружку иду с «Пшеничной» привычною.  
А он сидит там на полу, как облеванный,  
И мечтает о чем-то несбыточном.

## «Баронесса у окна ...»

Баронесса у окна  
День за днем сидит одна:  
– Скучно, скучно, надоело, –  
Без конца твердит она,  
  
– Что поделать? Чем заняться?  
Где она, судьба моя?  
Аль в монахини податься?  
Али в дальние края?

Бароненок-постреленок –  
На коленях. Схож с отцом.  
И играет из пеленок  
Золотым ее кольцом.

А барон... То лечит раны,  
То калечится опять,  
То – палить ему кораны,  
То – хаджей ему лобзать.

То с вассалов дань собирает,  
То сеньорам отдает,  
То хандрит, когда ристалит,  
То постится – зелье пьет.

Что жене до тех брожений?  
В сад глядит, глядеть устав...  
Тут в саду с огромной шеей  
Появляется жираф.

С зоосада ль городского,  
То ли с озера он Чад?  
Видно, так – зашел. И снова  
Через час пойдет назад.

Под окно жираф подходит  
(Метров 30 надо рвом),  
Глазом розовым поводит  
И заглядывает в дом.

И баронка, как девчонка,  
Из окошка в тот же миг,  
На свою взвалив ребенка,  
На жирафью шею – Прыг!

Через месяц или боле

Возвращается барон.  
В доме пыль и холод колет  
Из распахнутых окон.

Сел он. Кресло заскрипело.  
За окном осенний стон.  
– Скучно, скучно... надоело, –  
Шепчет брошенный барон.

– Что любить? Чему отдаться?  
В чем он, корень бытия?  
Аль в монахи мне податься?  
Али в дальние края?

И не снявши лат и гетров,  
В кресле – сиднем. Месяц? год?  
Тут в саду каким-то ветром  
Появился бегемот.

С голодухи или сдуру,  
То ли с чаду, только вот –  
Под окном шершавой шкурой  
Трет деревья бегемот.

И барон, тоску лихую  
Вместе с пылью сбросив вмиг,  
Как на лошадь боевую,  
Из окна на шкуру – Прыг!

И помчал, пришпоря звонко,  
Через ров и сто канав  
К баронессе с бароненком  
В ту же степь, что и жираф.

... Впрочем, мне какое дело?  
Там озоны, тут вино.  
Я гляжу – твержу в окно:  
– Скучно, скучно – надоело...

## «То ли где торосов глыбы ...»

То ли где торосов глыбы,  
То ли где страна Судан, –  
Ходит-бродит чудо-рыба  
По прозванию Лабардан.

То ли дом ее на суше  
Занял я при дележе –  
Только травит она душу  
Мне который год уже.

И во сне меня тревожит,  
Бьет хвостом по бороде  
И одною мыслью гложет:  
Может, место мне в воде?

Может, зря копчу я небо,  
Может, зря хожу пешком,  
И приличней в море мне бы  
Плывать с красным гребешком?

Плавниками резать воду,  
Через жабры воздух гнать,  
Рыбью славную породу  
Раз в году возобновлять.

Может быть, случилась штука,  
Перепутав пару душ:  
Лабардану – в море мука,  
А меня не держит сушь.

Но откуда же, откуда,  
Коли я из тех пород,  
Лохмота-зверек-зануда  
У меня в груди живет?

И растет там тихой сапой,  
Голова – как в горле ком,  
И скребет шершавой лапой  
И шершавым языком.

А порою – как завоет!  
Пасть оскалит, шерсть торчком,  
И когтями рвет живое,  
И катается волчком...

И уж тут – не рыба жижа,



Так горит, что не залить...  
Может, это просто грыжа?  
Может, к доктору сходить?

## Старый анекдот

Разбит был штормом пароход.  
На остров неприметный  
Лишь трое выплыли из вод –  
На ящике буфетном.

Джон, Жан, Иван... Сглотнув тоску,  
Открыли ящик, сдюжив,  
А там – флаконов коньяку  
Хороших пара дюжин.

Тогда Иван, сорвав банан –  
Чего ж судьбе перечить! –  
Из кожуры слепил стакан  
И предложил: «За встречу».

Похорошело... Дело – вздор.  
Купнулись... Солнце бродит.  
Зашел за Вечность разговор –  
Пора вторую, вроде.

Свернули пробку. – Что? Вода?  
– Нет, джин... – И Джинн из плена:  
– Приказывайте, господа! –  
К песку склонил колена.

Воскликнул Джон: – Мне миллион!  
И за Гудзон – ракетой...  
И в тот же миг растаял он  
В глубоком небе где-то.

Воскликнул Жан: – В Париже дом!  
Шансон, Мадам и денег...  
И где был Жан, на месте том  
Пустой остался берег.

– А что тебе? – устало Джинн  
К Ивану обратился,  
А тот глядел, как перед ним  
Седой песок катился...

– Ох-хо-хо-хо, – вздохнул Иван, –  
Сидели ж так приятно...  
Послушай, Джинн, – сказал Иван, –  
Верни ты их обратно.

## Романсы

### (1)

Перед долгою дорогой  
Не спеши кричать «Вперед!»  
Ведь у дальнего порога,  
У холодного порога –  
Там тебя никто не ждет.

Будет степь вокруг яриться,  
Будет снег колючий сечь,  
И не раз еще приснится,  
В снах бредовых будет сниться  
Взгляд последний в чаде свеч.

Злой мороз до сердца ранит,  
Взять бы хлыст – взбодрить коня...  
Нет сил, – чем шибче сани,  
Чем быстрее мчатся сани, –  
Тем ты дальше от меня.

### (2)

Мадам, Сиваш уже не наш,  
И Вам с вечерним пароходом  
Спешить пора к нейтральным водам,  
Взяв незатейливый багаж.

Мадам, к закату день грядет,  
Проверьте деньги и билеты,  
Ведь говорят, в сезоне этом  
Последний это пароход.

Мадам, позвольте еще раз  
Вуали Вашей прикоснуться.  
А там, вернуться-не вернуться –  
Зависеть будет не от Вас.

Пора. Стреляют... Добрый путь!  
Не стоит в траур одеваться.  
Вам – плыть, а нам резон остаться,  
Чтоб Вам вернуться. Как-нибудь...

## Дож, дождь, мост, рябь...

Из унижений – в яркий просвет –  
тыщи историй на протяжении  
полторы или более тысяч лет,  
и своя история – явь.

Отцы и бабушки, прадеды и...  
в великолепии  
гущи прошлого и густоты  
темной и яркой.

Из  
смысла и красоты.  
А мы –  
на пол-шага  
на белизну сегодняшних бумаг.  
Как?  
сделать из сегодняшнего вечера  
Историю.

Рыцарь. И божья коровка  
на постылом с гербом щите,  
и у лошади на хвосте –  
средневековый репейник –  
больше размером  
на два сантиметра  
в диаметре  
нынешнего.  
(Рыцарь – метр шестьдесят.)  
И осенние листья летят...  
Зигфриду под лопатку.  
А ты спишь и меня ругаешь.  
А я люблю тебя,  
как закат бордовый,  
с такой же кровью и таким же счастьем.  
На каждый прошедший рассвет молясь  
и ненавидя себя лениво.

Река, мост... дождь прошел.  
Дож проехал с своей догарессой.  
Каббала – из той же серии, что КОБОЛ.  
А счастье – просто как запах леса,  
как подосиновик – сам растет,  
не как пельмени – лепить годами...

И по логике в этот момент  
лист чернильный мой выдрало ветром  
и забросило в кучу листвы осенней,  
одинаковой для Запада и Востока.

И мозг полоня,  
на реке – сразу пять событий:  
баржи с мусором, оптом вчетыре  
слеplенных,  
воняя и восхищая  
великолепьем абсурда.  
Плюс  
два теплохода напереk,  
как бледные отраженья,  
и  
мелкая яхта миллионера,  
плетущаяся в хвосте.  
Итого – семь.

Инфантильность рыцарей – хуже нету.  
Мусульмане властвуют по всему свету.  
Но.  
Девы, Закаты, Мосты и Горы,  
и Собаки всяческой масти  
остаются все еще в области нашей власти.

## **«Давит, давит небо ясно ...»**

Давит, давит небо ясно  
И ветвистые пути,  
И кусты с листвою красной  
Обожгут, того гляди.  
Неизвестные создания  
Под рубашкою, как тать,  
Ни щавели, ни герани,  
Ни ромашки погадать.  
Ни ручья с ключом речистым,  
Ни тропинки за ручьем,  
Знай, следы с пятой когтистой –  
Пуще сторожа с ружьем.  
Гукнет что-то... Так не выпь ведь,  
Не болотная душа.  
Ни пожрать тебе, ни выпить,  
Ни покоя, ни шиша.  
Как же жить? Без ног в колоды,  
Без конвоя, без сумы...  
В клетке – хочется свободы.  
В стужь таежную – тюрьмы.

### **«Возле ног – пока поземка ...»**

Возле ног – пока поземка,  
Степь – глубокая, как чад,  
Пара травок одиноко  
Из-под снега чуть торчат.  
Впереди – мутней сивухи,  
Приближается буран,  
Солнца шар, прижамши уши,  
Закатился под курган.  
Позади – село Любава,  
На пути – Запутный Дол,  
Вольный ветер с вольным правом  
Вольно тронул под подол.  
Обернуться – не вернуться,  
Отлежаться – не доспать,  
Вот уж в воздухе, как блюда,  
Хлопья жирные летять.  
Вот и снегу по колена,  
Ни одной травы вокруг,  
Да в носу позеленело,  
Да в ушанку стук-да-стук.  
Вот и выдохлась поземка,  
Пухи хлещут, как хлысты.

А поди, дойдем, дойдем-ка  
До критической черты...

## **«Я хочу с тобой в Толедо ...»**

Я хочу с тобой в Толедо.  
Там, где странная река  
Обнимает место это,  
Водопадна и мелка,  
Где живут не наши духи  
В дырах узких площадей,  
На булыжниках, где плюхи  
Крестоносских лошадей,  
В щель затиснуться сырую,  
Где с роландовых коней  
Переплет засохшей сбруи  
Между замшевых камней.  
Позабыть, что было ведал,  
Снять обеты, с Вас – парчу.  
Я хочу с тобой в Толедо,  
Без тебя – что мне Толедо?  
Я в Толедо не хочу.



## **«Стирая ностальгию тщательно ...»**

Стирая ностальгию тщательно,  
Как теркой – медленно и жестко,  
Из памяти друзей-приятелей,  
Сестер, морозные известки,  
Квартиры – лабиринты критские,  
Пивные – как кресты на карту,  
Измайловские и Никитские,  
И полустанки, и плацкарты,  
Собак, буфеты, книги, ягоды,  
Кирзу, опенки, грязь, блины...  
И в час, когда уже не надо б и  
Ни тех людей, ни той страны, –  
Вдруг резанет, как свист из сада,  
Московским запахом весны.

## **«Все приходит к тем, кто ждет ...»**

Все приходит к тем, кто ждет,  
Только надо ждать подольше,  
Только надо ждать погорше,  
Будто уж и не придет.

Ждать, как будто “все равно”,  
Будто слова нет такого,  
Смутно помня лишь то Слово,  
Что убить себя – грешно.

Жить – не ведать, что грядет,  
И тогда, в покойной дреме,  
Вдруг прочесть в каком-то томе:  
“Все приходит к тем, кто ждет”.

## **«Позабыт и позаброшен ...»**

Позабыт и позаброшен,  
Вспоминаю вечерком –  
Платье белое в горошек  
С отложным воротничком.  
Не фетиш и не игрушка,  
А на сердце – окоем,  
А на шее завитушка,  
Вроде бантика на нем.  
Буду я три дня хороший,  
Сэкономлю на вине,  
Я куплю его – в горошек,  
И повешу на стене.

## **«Только красивое любят поэты ...»**

Только красивое любят поэты,  
Только красивые любят портреты,  
Только красивых аккордов набор,  
Только красивый разрез помидор,  
Только красивой одежды струну,  
Только красивых движений волну,  
Только в красивых влюбляются. Но  
Часто премерзкое любят вино.

## «Проезжая одиноко ...»

«Проезжая одиноко  
от истоков Ориноко,  
где-то в устье ненароком,  
там, где кручи круче Альп,  
повстречал я у потока  
кровожадных милуоков;  
и в баталии жестокой  
рассекли мне лоб глубоко,  
ребра вырвали из бока  
и почти содрали скальп.»

Так друзьям поведал Петя,  
пропадавший в Новом Свете,  
где почти десятилетье  
безызвестно пропадал.  
Шрамом розовым белея,  
что остался от сабвея,  
где, червонца не имея,  
он от черных пионеров  
в лоб железкой схлопотал;  
потирая ребер спайки –  
как-то ёкнулся на стройке  
со стремянки на газон, –

Так вещал в родной Перловке  
от работы и «смирновки»  
польсевший Питерзон.

## «Прошло не много лет ...»

Прошло не много лет,  
Ничто не позабыто,  
Серпастый паспарту,  
Не изменивши цвет,  
Хранится в ящике буфета,  
Где гвозди, молотки и прочий инструмент –  
Подобьем, может, пистолета,  
Что пред финального куплета  
Свой должен выполнить дуплет.

Эпистолярная цепь,  
Не растеряв колец,  
Все вьется. Реже, пусть,  
Но внятней и прочтимей,  
И отшлифованнее – для  
Стрелянья в цель.

Роман о ностальгии  
Традиционный принимает стиль:  
Березки да ковыль,  
Колхозные кобылы,  
Гниль закровов,  
Пыль тракторов... да  
Дух таинственный России,  
В коем  
Портянки неизменно  
Немалую играют роль...

Земля мала. За год пройдешь пол-карты.  
Пляцкартные места возьмешь за пол-цены.  
В пол-пьяна пролететь по кругу –  
Прошли эпохи Марко Поло –  
Ни гений вам, ни храбрость не нужны.

Но все же там –  
Как ведьминский магнит,  
Как марь миражная, как болото погано,  
Где беглый огонек дрожит,  
Таинственным мадагаскаром...

И все же там,  
Где все теперь открыто,  
Изжито, понято и ворон не кружит –

Земля – своя, как Terra Incognita –  
Террой Инкогнитой лежит.

## **«Возвращался сэр Фунт Лиха ...»**

Возвращался сэр Фунт Лиха  
Из похода круг Земли.  
Возвратился он и тихо  
Сел у замка на скамьи.  
Огляделся грустно, мило:  
Вроде, птички, вроде, пруд...  
Молвил он: «Чтоб пусто было  
Тем, кто столь безбожно врут.  
Кто сказал, что шар – планета,  
Это – круглые ослы.  
Я объехал вокруг света,  
Я объехал вокруг света!  
И повсюду,  
И повсюду –  
Натыкался на углы.

## «Вдалеке пролаял пес ...»

Вдалеке пролаял пес,  
Час – с Вершиною прощаться.  
В дом который возвращаться? –  
Жжет назойливый вопрос.

На Восток? где друг и мать.  
Запад? Юг? – супруга, дети.  
Аль на Севере сыскать  
Пятый угол в этом свете?

И окурок запустив  
В горный пруд, луною светел,  
Поражение отметив,  
Завернуться под кустом.

А потом? В который дом?  
Да... – куда подует ветер.



## Про Вильямсбургский Мост

Речка – странное создание,  
Непонятная вода:  
Поутру течет налево,  
Ввечеру течет направо,  
То на север, где истоки,  
То на юг, в окьян глубокий,  
Выше, ниже, влево, вправо,  
А назад – так никогда.

А на шее вод текучих –  
Два ошейника тягучих,  
Два браслета-переплета,  
Два кольца-перекреста –  
Два проржавленных моста.

И по ним – когда им спится? –  
Знай, ползут, как гусеницы,  
Поезд «Де» и поезд «Ме».  
Только нынче «Ме» – в дерьме,  
Вместе с «Же» стоит в депе,  
Ибо мост, один из двух,  
Положительно, припух  
И лежит он на смех курам  
Как обломок арматуры  
От прорабских катастроф  
– Лишь жильем для комаров.

Желтый кружится паром,  
На Делэнси – как на слом;  
Кучи хлама, и газеты  
Носит жаркий ветер лета.  
В Даун-тауне – бизнес в дауне,  
В Даун-тауне – сплин и сон,  
Ходят парами, будто в сауне:  
Бамы с бамами, бабы с бабами,  
“Пейсы” с пейсами с двух сторон.  
Запустение в Даун-тауне,  
В позабытии ‘Что почем’,  
Лишь единственно в Чайна-тауне  
Жизнь базарная бьет ключом.  
Знай, торгуют себе, без разницы,  
Хоть те в розницу, хоть в розлив,  
По субботам и поздним пятницам,  
Всяко празднество упразднив.  
Я гляжу на них и не плаваю,  
Сам стою, а они – бегут,

Маленькие, чернененькие,  
Косоглазенькие, дикие,  
А ведь здорово же живут!

## Вильямсбургский Мост, 02

Сижу у речки, под мостом,  
Прохожих нет, один я,  
И вспоминаю время то,  
Когда ретривер Дина  
Скакала здесь с мячом во рту –  
Лечила свои ножки,  
И с наслаждением бормоту  
Хлебала из ладошки.

Всего-то лет прошло чуть-чуть,  
А сколь сменилось в доме:  
Уж год, как кот ушел в Тот путь,  
Собака в Оклахоме,  
Стишки, что я тебе кропал  
На этой вот скамейке –  
Старее, чем Сарданапал,  
А муть все та ж. Налей-ка...

Нет, не изменен чувства пыл,  
А мост – покрашен даже,  
А то, что утром послан был,  
Так и тогда – туда же.  
Проехал “Circle Line”, волны  
Взболтнув шлепки и вздохи...

Мне голубь капнул на штаны –  
От этого и строки.

## Сонет Веноков

### 1

Наш первый год подобен был измене:  
Себе, другим, привычкам и словам;  
Дотолё не встававший на колени,  
Я их протер, в угоду только Вам.

И даже спьяну не тонувший в Лене,  
Я в Вас погряз, в пучину, как в бальзам,  
Навстречу сну в венерианской пене,  
На волю прихотливейшим волнам.

Измена прошлому – обычная измена.  
Как ни крути, планида – что полено.  
Судьба окрутит скрюченным перстом.

И все вернется на свои начала.  
Ну, а пока – измены да скандалы...  
Наш год второй – то Э-дем, то Со-дом.

### 2

Наш год второй – то Э-дем, то Со-дом,  
Кавказ и Волга, раны и микстуры.  
От перевалов – в скользкий волнолом,  
И с поездов – в недельные амуры.

Дедов наследие – за грош, за день вдвоем,  
За пару литров местной политуры,  
Чтоб на билет хватило, а потом  
– Гори огнем: что деньги, что культура.

Последний день – который завтра день.  
Покуда ночь – об этом думать лень.  
Долги – на совесть лучших поколений.

Но вечный рай – прочитанный обман,  
Билет был взят – и тем продлен роман  
На третий год под горестные пени.

### 3

На третий год под горестные пени  
Гудок вокзальный прогудел «не быть»,  
В стене ль размазаться без слов и обвинений,

Не жить, не пить, – а впрочем, что ж не пить?

Шипеть незряче на людские тени,  
Ползти, одну нащупывая нить,  
Сквозь снег московских сумрачных метелей.  
Не слышать – не смотреть – не говорить.

Перележать в сугробе до капелей,  
Глядишь: жива душа в тщедушном теле,  
И свет видать за почерневшим льдом.

Аэрофлот подъехал прямо к дому.  
Был чемодан к тому давно готовый.  
Четвертый год явился в новый дом.

#### 4

Четвертый год явился в новый дом.  
Кому-то Новый Свет, а нам – не ново.  
Что ново русскому в сем мире? Он знаком  
С яйцеобразностью строения земного.

«Любовь», «авось», а там – хоть «суп с котом» –  
Залог Ивана, вечно молодого;  
Забыть, что ведал, и пропить, притом,  
Платова с Кантом, Ницше и Толстого.

Моя одна шестая – значит – вся!  
Доехал бы, да баба на сносях;  
Залез на пень, взглянул через плетень, и –

Вон там в песках скребется Поло Марк,  
Колумб причалил... Нансен... Скотт... – Однако,  
Нам пятый год вокруг глаз наставил тени.

#### 5

Нам пятый год вокруг глаз наставил тени.  
Житейский быт не скрыл свой грязный грим,  
И ностальгическая легкость нототений  
Не раз пригрезилась сквозь долларовый дым.

Скучать пришлось по Лене и по Сене,  
По коктебельским холмам золотым,  
По маме тоже... Новые явления  
Являлись нам под градусом иным.

То вспомнишь БАМ – в сабвее против бама,  
А то – бичи на Брайтон-Бич упрямо

Знай, лезут в голову, меж негром и жидом.

Простых попоек с добрыми друзьями...  
На пятый год остались нам – лишь снами.  
Шестой восшествовал стахановскнм трудом.

## 6

Шестой восшествовал стахановским трудом.  
То – за рулем, угрюмо сдвинув очи,  
С отбойным молотом – едри его в кондом!  
То – с трубкой в ухо за столом рабочим.

Я потом пробовал, и катом, и мытьем, –  
В кармане рупь зеленый спать не хочет,  
Я матом пробовал, так он меня – рублем!  
И джин глушить не стало больше мочи.

Осталось главное – тот рай, что в шалаше...  
Кошерный кот орет как оглашен,  
Нерезанный, как голубой Есенин;

Спешат по трассам выблестки машин,  
Шесть лет – шести цилиндров пережим.  
Седьмой случился в день такой осенний...

## 7

Седьмой случился в день такой осенний...  
В год Лошадей, Некованых Кобыл;  
Лишь календарь отметил надпостельный  
Долги, долги... Те помню... Те забыл.

Конец недели – значит Воскресенье;  
Спи – не проспи, чтоб ужин не простыл.  
Покройся плесенью натуре во спасенье.  
Как камамбер – вот каламбурный сыр.

Домашнего бы съесть «наполеона»,  
«Тройного» нет вкусней одеколона,  
Блокаднику – в охотку суп с котом.

Под Рождество – гадать одна забота,  
Семь лет прожить – не в поле мять кого-то.  
Восьмой... А впрочем, про восьмой потом.

## 8

Восьмой... А впрочем, про восьмой потом.

Куда б махнуть в часы его досуга?  
В каньон, на Запад, в карту ткнув перстом?  
На Север, к Лондону? Или – туда, где вьюга.

Восток. Манит. Распяленным крестом.  
Магнитом заколдованного круга,  
Железным пестиком и Каменным мостом,  
И дрекольем, чтобы идти на друга;

И стужей лютою, чтоб продрало до дыр  
Короткого дыхания пунктир,  
В Земле, куда – не суйся Датский Гений!

А жаль ее за глупость и за блуд.  
Нам с ней делить с тоской, как рабский труд –  
Девятый вал невиданных волнений.

## 9

Девятый вал невиданных волнений  
Перевернет, как карточный марьяж,  
Всю стройность прежних Божьих построений  
Во имя новых Божьих. Где был пляж,

Леса взрастут, свои раскинув сени,  
А где был дом, гора и город аж –  
Волна неспешная сокроет, как мираж,  
Под слой кораллов и морских растений.

Лишь, может, где-то детский башмачок  
Случайно выбросит с приливом на песок;  
Да ржавый рупь, на коем стертый Ленин,

Иль стертый Кеннеди, или китайский бог...  
Мечтатель будущий их подберет в залог  
Десятикратно вмятых упоений.

## 10

Десятикратно вмятых упоений...  
Познав страданье, осознать вину  
Своих отцов и дольних поколений,  
Их сотни вин сведя в свою одну.

Десятикратно вмятых упоений  
Вкусить порой, как горькую слюну  
Давно умерших, грешных исступлений  
Смешную и кровавую войну,

И хмель бахвальств и унижений язвы;  
Отцов давно прощенные маразмы  
– Их жен наследовать и свадебных колец.

До старости – за них считать обиды,  
А там глядишь – к тебе ж ползет, как гнида,  
Прекрасный и губительный гонец.

## 11

Прекрасный и губительный гонец.  
Как Азраил, в пыли и пене конской,  
Терзающий неопытных сердец  
В ночи – наречьем средневавилонским.

А день придет – трудолюбивый жнец,  
Сменив доспех на серые поноски,  
Пойдет косить... Он вам и жнец и швец  
И на трубе игрец. Иерихонской.

До полу-дня, не покладая рук –  
Снопам он завалит целый луг,  
А там – обед, и платье голубое...

Наш Азраил, он знал и боль и глад,  
Да вот теперь – свой выстроил уклад,  
Из дюжины измен и мордобоев.

## 12

Из дюжины измен и мордобоев...  
Скучна мне эта жизни ипостась.  
А хвост прижмет – забудешь все святое,  
Заверещишь, как на крючке карась.

Пороков рыло вылезет рябое,  
Что усомнится самый Ночи Князь,  
Опустит руки паинькой Рембо и  
Матрос захнычет: – Временные, влазь...

И Берия очки протрет, слезясь;  
И Хомейни промолвит, поклонясь:  
– Иди, Рушди, иди, Аллах с тобою...

А мир вздохнет и, помолясь с утра,  
Начнет процесс зализыванья ран,  
И смен – от полушарий до обоев.



## 13

И смен – от полушарий до обоев,  
От вех общественных до частной смены вех,  
Все недостаточно, чтоб изменить любое  
Лицо нам данное. И с фото – детский смех.

Сам гул иерихонского гобоя  
Натуры не изменит. И – не в грех.  
И Колобок, беглец и блинный воин, –  
Выходит, твердый на разлом орех.

Взгляни в свой лик, давно уже отснятый,  
– Аль нажил более, чем ты имел когда-то,  
При бабушке?.. Кисель да холодец...

С тем и помрешь, забыв доход и бабу;  
Детей твоих, возможно, примет Рабба.  
Всяк сказочке – пленительный венец.

## 14

Всяк сказочке – пленительный венец.  
Хоть за концом – бездонность драм грядущих.  
Иванушке с Аленушкой – киндец,  
Прости их, благо, Боже присносуший.

В ответчика сыграем. Пусть истец  
Навешает лапши колючей кущи, –  
Его б в колодец – прёт он на крылец  
И достает, крапивы горькой пуще.

Нам – наплевать. Люблю оно – как есть.  
В том чести нет. А маленькая месть –  
Необходимость рифм да неврастений.

Мы – ни при чем... Но естество – куда ж?  
Поэтому – себя ж – на абордаж, –  
Наш первый год подобен был измене.

## 15

Наш первый год подобен был измене.  
Наш год второй – то Э-дем, то Со-дом,  
На третий год под горестные пени  
Четвертый год явился в новый дом.

Нам пятый год вокруг глаз наставил тени,

Шестой восшествовал стахановским трудом,  
Седьмой случился в день такой осенний.  
Восьмой... А впрочем, про восьмой потом.

Девятый вал невиданных волнений,  
Десятикратно внятных упоений –  
Прекрасный и губительный гонец.

Из дюжины измен в мордобоев  
И смен – от полушарий до обоев, –  
Всяк, сказочке – пленительный венец.  
*1990*

## Венок Донжуанский

### 1

Воспел Миронов Марриэтт,  
Превознося превыше меры,  
Не ведая, что против вет  
ра плюёт он эдаким манером.

Будь ты фельдмаршал, будь корнет,  
От Англии до «Англетера» –  
Полно Колетт, Жоржетт... Анн – нет,  
А значит, нету атмосферы.

С тоской и длинным пистолетом  
Идёшь стреляться в кабинет ты,  
А там – стройна, как сам соннет,  
В цветном переднике, с багетом,  
С набором пива и кревет  
ок, но – души цветок – Аннетта.

### 2

Окно души, цветок Аннетта.  
Но часто, не размежив вежд,  
Внимаешь радио-куплетам  
Про светлый памятник. Надежд

Надежных мало в мире этом,  
Но коль найдешь, держись, как Пешт  
За Буду задунайским летом.  
И помни о красе одежд.

А коль скует суровым бытом,  
Когда, босой и неумытый,  
К ней постучишься на обед, –  
Семита иль антисемита  
Согреет и прижмет к ланитам  
Надежда – негасимый свет.

### 3

Надежда – негасимый свет.  
Но вот, под яркие софиты,  
Накинув розовый берет,  
Летит на сцену Маргарита.

И пусть герой плешив и сед,  
Но буде в нем хоть гран пиита,  
Его зажжет, как искра жито,  
Марго, Маргоша, Маргаретт.

Замоскворецкою Одеттой  
Полу-легка, полу-одета,  
Она откроет двери в рай,  
Неважно: в храм или сарай,  
И даже под вороний грай –  
О, Рита – это пламень света.

#### 4

О, Рита – это пламень света.  
Но у огня один изъян:  
Сильней его, как волны Леты,  
Марина. Море, океан,

И шкипер на борту корвета,  
И в тесной рубке капитан,  
Секстан, фок-брамсель, шкот, мушкеты –  
Вот лексикон Марин всех стран.

Покоя ждать – одна докука,  
С Мариной – вечная разлука,  
И перехлест на склоне лет,  
Фуражку скинув: – Что за сука!..  
Грехи отмаливать до стука...  
Марина – верный амулет.

#### 5

Марина – верный амулет.  
А Софья, Софушка, София –  
Добро – ее приоритет,  
Хотя и нет такой стихии.

Софии вреден tet-a-tet,  
А коль родит, ее ль грехи? И  
Пускай ослушник ищет бед  
За свои помыслы лихие.

А Софа, выкупив билеты  
До Боготы или Тайшета,  
Багаж оставив бедноте  
В Тунгусском университе  
те, растает в синем небе где-то.  
София – благости комета.

6

София – благости комета.  
Но тут является на тур  
Необходимость рифмы – Света,  
В роскошестве своих натур.

Ей нет преград, ей нет совета,  
Указов Ленсовета сюр –  
Оно ненужные предметы,  
Как рифмы не нужны для сур.

Зато, когда пойти на дело,  
Она отдать готова тело,  
Хоть предпочтительней корсет  
Подставить пуле угорелой.  
Глядишь, жива, зарозовела –  
Лихой народ летит на Свет.

7

Лихой народ летит на Свет.  
Но что с того простым крестьянам?  
Коль в полуночной Ambulett,  
Как ангел, снизойдет Татьяна.

Спринцовка, клизма, шприц, пинцет,

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.